

ПУЛЕМЕТЬ

Текст и темы

Н. ШЕВУВА.

70

— За мной.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Старый Годъ не стареть хитрый.
 Не соберши и съдой,—
 Онь Рабочий, гордый силой,
 Сильный, дерзкий, молодой...
 Шелъ онь, шелъ могучицъ шагомъ.
 Кверху голову держалъ,
 Шелъ впередъ, съ ружьемъ и флагомъ.—
 Былъ тотъ флагъ кроваво-алъ.
 Шелъ впередъ. Все разстучалось.
 Раздавалось на пути,
 Разгоралось, разрушалось
 Даже тамъ, гдѣ не проити.
 Шелъ впередъ. Земля дрожала.
 Планетки небеса.
 Море бросило, ахологло,
 Вѣтры рвали паруса.
 Черезъ январь, февраль кровавый,
 Черезъ ужасы весны,
 Гдѣ даритъ беснующей славой
 Русь Января званъ:

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Черезъ юны, юны съ пехарочъ
 Веземаньныхъ деревни;
 Черезъ августъ, гдѣ кошмаромъ
 Превращаетъ въ ночи день
 Изъзъ великой провокаторъ
 Всероссийскій бюрократъ,
 Черезъ сентябрь, гдѣ триумфаторъ
 Витте,—вортъ ему не братъ;
 Черезъ октябрь, гдѣ насъ казнили
 Тукить паръ паръ свобода,
 Черезъ ноябрь, гдѣ камарилью
 Вновь почувствовалъ народъ;
 Черезъ декабрь съ премьеръ-министромъ
 Всеносущимъ Дурново;—
 Шелъ впередъ онь шагомъ быстрымъ
 И—опоненъ путь его:
 Дальше—Новый Годъ настанетъ.
 Что сулитъ намъ Новый Годъ?
 Надругаетъ, обманетъ,
 Поглумитъ насъ свобода.

На развалинахъ-обломкахъ
 Подрубитъ ли Новый Годъ,
 Повалитъ ли на постромкахъ
 Или задушитъ коматою,
 Дастъ ли пищу охамъ, ахамъ,
 Или счастье безъ конца...
 Все съ надеждою и страхомъ
 Сказалътъ приходило
 Чу! Бьетъ полночь... Но на снѣгу
 Не явился Новый Годъ,
 — «Новый Годъ! Сюда на снѣгу!...
 Что жь ты медлишь! Твоей чередъ...
 Выходи! Копишь и пашешь
 Не шпанскому, а кровъ...
 Выходи,—покаромъ бешеть
 Русь повсюду, вновь и вновь...
 Принеси успокоенье,
 Принеси съ собой слезъ
 Вопрошенія, примеренія,
 Слабыхъ духомъ пожалень!»—
 — «Слабыхъ духомъ! Прочь съ дороги!»—
 Крикнулъ Старый Годъ.— «Кто слезъ,
 Въ ночь прожить струя тревоги,
 Кто душой нѣтъ мысля рабъ...
 Обновленная Россія
 Не страна теперь рабовъ!...
 Я—Мессия, я—Мессия,
 Все на мой стеклетесь званъ...
 Годъ Нового не ждите
 Крови струить,—не придетъ.
 Вы опятъ за мной идите,—
 Съ вами я на цѣлый годъ...
 Старый Годъ не старъ, я—молоды,
 Провести отважно Русь
 Своякъ Чуку, Холперу, Гоголю
 И Революцъ берусъ...
 Я—Пророкъ, не успокоюсь
 Встрѣтитъ Русь грядущей день,—
 Мы подемъ въ край по поясъ
 По пожарамъ деревенъ!
 Я—Пророкъ, придетъ бродомъ
 Рынъ слезъ переродить
 Снѣга, что пролиты народомъ,—
 Смертца каждый шагъ купитъ...
 Я—вашъ Вождь и вашъ Товарищъ,
 Снѣга, гордо говорю:
 Черезъ январь покаршитъ
 Вы увидите зарю.
 Снѣгаъ пожары и погромы—
 Голубьютъ небеса...
 Снѣгаъ громы стальной громы—
 Серебряныя голоса...
 Снѣгаъ несмѣнныхъ бѣды
 Городовъ и деревенъ—
 Визжатъ, близится день побѣды,
 Вспороснутся свѣтлой день...
 Я—Мессия, я—Мессия,
 Наше анимъ побѣды!
 Погруснела Россія
 Въ нуклахъ своей покой родины!»

ПЬЯНАЯ.

Она надела на мнѣ капталъ, вышивавшая, синичья.

Во глаза бѣсѣнн чихотещимъ блескомъ, на щекахъ горѣтъ румянецъ порою, вѣсомъ спутанна, тѣлесаши прядни утало на полу-обнаженнаго плечи.

Она пошла ко мнѣ и задорно взглянула мнѣ въ лицо.

— Зарастули! Не знакомъ со мной? Такъ поднаосишься... Что отворачиваешься? Отъ меня, небось, не отвернешись...

Она съ удивленнымъ поводомъ плечами и шипящъ, вышивавшимъ голосомъ задыхающаго гитарника:

Этъ! Развеселенъ горько
По блѣдъ телеси!
Поездикъ къ телеси
Меня на телеси!

— Геродовой!—хотѣть было крикнуть я,— на мей крикъ потонулъ въ ея разувѣстившъ гикаль!

Разувѣстивъ,
Расточилъ:
Паша за вѣно,
Фаночина.

— Ха!-ха!-ха!...—Ты никакъ геродовое крикнулъ... Что мнѣ твой геродовъ обьявлять?

— Отврати въ участокъ для взирова-ния!

— Мени!, въ участокъ! Ха!-ха!-ха!...—Да понашь ли ты, халь заветъ мени?
— И звать не хочу!

— Я,—Русская Пѣсия... И мени въ участокъ! Ну, и наосишь... Да я въ кабакъ рѣдился, въ трактиръ воспитался, посевидъ, несель разувалнаго въкъ свой вълозла, и ты хелеси мени въ участокъ! Ха!-ха!-ха!... Да я твою геродову воть этикъ сайбалъ, такъ и его обсажу, и онъ растеть...

Тутъ я пенякъ, что вострѣбиль съ набавной Пѣсей.

— Взярили кабакъ, такъ думаете и веселье русскому коней? Думайте, что на мени влѣпывать можно да кабарускѣ рывають. Въ отставку мени, халь постои!

Сквель южонный пашево:
Ты мѣй бѣжило по уложу.
Я зватьсе събъ постоитъ.
Мизакта очень хороша.

Нѣтъ! мени раздвѣить не раздвѣить, скорѣе на ножку нозольки наступайте... Сажиса во мной русский человекъ. Не отдерши мени отъ его веселости, и отъ грусти что не отдерши.

Этъ! Малочинна-фаночина.
Онь скончилъ свою голосуку...
Онь скончилъ свою голосуку...
Да не скажетъ стортину...
Что на праву, да на яхуе.
Кралонъ яхиса на грудъ факту...
На грудъ яхиса, тамею яхиса,
Тяжело вынашь, протонъ сажакъ...
— Ты протонъ протонъ, протонъ яхиса...
— Крапота мнѣ такъ сама здравитъ...
— А любва наша оучаститъ!

Она сдѣлалась неузнаваемой! вѣсто звѣчивающъ вахичешихъ сибѣномъ, вышивавшій стени. Глаза потухли, заборная прядъ волосъ августиса. Плечи все еще вздрагивали, но это было вздрагиванье рывающей женщины. Незнакомая грусть свѣтовлеса въ хлѣбномъ слонѣ этого ривагитала и выжигана слезы у мени въ глаза.

— Чѣтъ? распалочился? Мени распустилъ... негустулилъ? Ну, сайи, сайи мени въ участокъ... А что халь я въ сайонъ участкъ гитарикъ!

Черна, бурбонъ, козырѣтъ!
Чьѣй мей мейи понавать?

Да прѣтъ, дамкѣхъ частновѣнолѣе приставки-комарѣ, козырѣтъ... да отѣтъ ану дебѣу мелоду!

Ты задрѣсе. Вѣно, яхиса,
Назаревуу мѣкѣ сайи...
Ты нахѣтъ не ваучушесъ.
Вѣно самѣтъ халѣи прѣжонъ...

Ма, мѣкъ, мѣкъ. Протрѣвилъ, таресий, бѣбу пѣтну.

Завѣшилъ сайевари на стѣнѣ,
Завѣшилъ заѣтѣвъ въ головѣ.
А фаршомъ собарѣтъ!
Ва отъ-отъ-отъ собарѣтъ!

И вдругъ она выжила такое колѣно, что мнѣ пришлось отвернуться.

— Отвращиваешься! Ха!-ха!-ха! Нѣтъ, братъ, отъ мени не отвернешись!

Этъ, мѣнава, крѣчу крѣжонъ!
Половожи шѣй со сквѣлѣ!

Протрѣвить мени вдувалъ... Пѣсию рассѣскую протрѣвалъ! Да мени двадцать столѣтѣвъ не протрѣвалъ... А ты одинъ участкомъ вдувалъ... Протрѣвалъ попоруби! Много во мнѣ змѣнаго, полугарнаго... Зародилась я по пѣсиному яху, да и развилась на по-второму... Потому и хула русская весела по сайному яху; да и грутна на по-второму... Раздал мени,—Русъ веселе пѣти и пѣти!

Она помолчала, почесала у себя въ затылкѣ и добвила:

— Бѣвни и спониса, вѣкъ и отрѣвать мени... Съ луднъ начайи отрѣвать! Когда плечи будутъ трѣвѣкъ—тогда и пѣсию будутъ трѣвѣтъ! Я—

— Я не против!.. Я против!.. Я против!..

— Ха-ха-ха!.. приорочить меня што ли хочешь!.. Обжочковать хазяг какут-нибул-шансонетку!.. Ну, ить, брат, я вь (Польни-монопольнах не гоусус... Изь меня слова не выкинешь... Вьдани это слово вь меня вно-лачивалось, вьдани оно и выночавалось бу-деть... Ты душу сперва русскую приорочь, а потом и я сама собой припротанусь. И тогда вьместе пьсня кабацкой разольется пьсня новал—монопольнак...)

— Ну, иродий, до свиданя!

Она пошла оть меня, беззаботно напьяв:

Жеяк мнэ, жукуца,
Серчатэ сердце жэе...
Посмотритэ, дэбри жэе,
Какэ жэе жука не жэебэт,
Не глэнтэ на жэе,
Все ругатэ его,
Кэ лэево, жэетэ лэевононэ,
Кэ мнэ ходитэ лэевононэ...
«Я вэка, я вэка
Во Китай-горькэ гулятэ...»
Жеяк пэекутэ жукуца...

И оть этой пьсни пакуло мнэ вь лицо и средьвечковомы Китай-городом, и демонстрэ-вской слэекой, и поинел я, что борьтэ са-Пьсноу трудоу. Каждое слово эн замэрлэево вьдани и его не выкинешь участковнэ.

И мнэ хотэлось крикнуть ей вэгоноу:
— Спущай Русския Пьсна. Отчэго ты пэеши-про кабахэ да про нэепоу! Почему ты глэуа кэ окружающэе жизни? Смотри, все вокругэ, дажэ сами камни, кричатэ о свободэ. Упаднэ

ПУЛЕМЕТЬ ШЕБУЕВА.

ухом кэ сырой земнэ, ты услышишь, что и она поестэ:

Ветаня, поэмалэево, работэе марьсы!

Неужели тебэ не стэдыо, что руския марь-родэ, русския земнэ, русския камни копэютэ кэ меду на мотивэ французския марьсызы! Неужели не стэдыо, что и тебэ, дитэ свободы, раздэвилэ, придушилэ, вьначэла вьвоудэ слэеудэ рэжэма... Неужели тебэ не стэдыо пэеши, кэшь ты сплэса!

Но она уже была далеко. Она шла пошатывалэса со сторони вэ сторону. Я ничэго не крикнулэ ей.
Но мнэ жэекоетэ, что она сама заплэла на мотивэ марьсызы!

Ветаня, поэмалэево, работэе марьсы!

Пулемет объявлять конкурс на сочинение вразвнэ марьсызы русскаго гимна. За условиями гг. композиторэево прошу адресоваться лично и письменно: Ковенский, 14, кв. 10, оть 12 до 2 ч. ежэеудно. Первая премия — 100 руб., вторая—50, третья—25.

Требуется, чтобы сочинение было на-писано и а сарелла и для рояля.

Срокэ подачи сочиненяи 1 февралэ.

Хороводная.

А мнэ просэ стэки, стэки,
Ок, дэжэ Лэдо, стэки, стэки...

- А мнэ свутэ стэки, стэки.
- Ок, дэжэ Лэдо, стэки, стэки...
- А мнэ свутэ вытэчэево, вытэчэево...
- Ок, дэжэ Лэдо, вытэчэево, вытэчэево...
- А чэево не вэнь вытэчатэ, вытэчатэ?
- Ок, дэжэ Лэдо, вытэчатэ, вытэчатэ...
- А мнэ лэево! *) выпустэево, выпустэево...
- Ок, дэжэ Лэдо, выпустэево, выпустэево...
- А мнэ лэевои перэевои, перэевои...
- Ок, дэжэ Лэдо, перэевои, перэевои...
- А чэево не вэнь перэевои, перэевои?
- Ок, дэжэ Лэдо, перэевои, перэевои...
- А мнэ возмэевои мэлэеда, мэлэеда...
- Ок, дэжэ Лэдо, мэлэеда, мэлэеда...
- Не поидэть кэ вэнь мэлэеде, мэлэеде...
- Ок, дэжэ Лэдо, мэлэеде, мэлэеде...
- А мнэ дэжэево стэе рублэ, стэе рублэ...
- Ок, дэжэ Лэдо, стэе рублэ, стэе рублэ...
- Не возмэевои тэеши, тэеши...
- Ок, дэжэ Лэдо, тэеши, тэеши...

*) Очевидно выжидание.

—: Сказка о Манухинѣ. —:

Жил-был Манухинъ.
Долго онъ жилъ безъ всякой личности.
Никакой физиономии у него не было, а за-
мѣтно была пустышка.

Бывало походить
къ зеркалу и шутить:
— Хорошо мнѣ
такъ, Ей-Богу, хорошо.
По крайности бриться
не надо. И кредиторы
на ушахъ не гуляютъ.
А дипломатизовать
ему впритыкъ:
— Выжь бы, ваше
превосходительство,
въ министры пойти.
Никакихъ бы такъ
покушеньекъ не было.
Важденья бывало

Манухинъ. Про себя подувать:
— Далеко кулеву до двадцатаго числа!
А дулеву прибавить:
— Ну-ка, давай бумаги подписывать. Все въ
неправдоты?
И впритыкъ дипломатизовать слова сбалился.
Умеръ Муравьевъ. Ну-ка было на нѣчто
его досадить кого-бы побольше.
Вспомнили про Манухина:
— Ва! Да вѣдь у него никакая физиономии
нѣтъ.

Призвалъ и
Манухина:
— По ка-
кимъ.
Лицо чи-
стое. Ника-
кихъ особыхъ
принять вродъ
носа, бровей
и тому подобнаго
нѣтъ.
— Будешь
всѣмъ про-
чиемъ мини-
страмъ потра-
фить?
— Буду.
И сталъ Ма-
нухинъ мини-

стронъ министръ.
И какъ быть безличнымъ, такъ безличнымъ
и остался.
Даже курьеры изъ суафъ спрашиваютъ:
— Это какой такой Манухинъ? Съ лица-то
онъ какъ выглядываетъ?
— Никакъ не выглядываетъ.
Только надоло Манухину безъ личности
жить.

— Министръ. А скажи на улицу выйдя
такъ никакой мнѣ уваженія нѣтъ. Знакомые
даже не кланяются,—не узнаютъ. Полюка въ
Дурновѣ.

— Дурновъ, а Дурновъ! Хочу получить физио-
номію.
— То есть какъ это физиономію?
— Чтобы меня всѣ узнавали и всѣ кланялись.
— Ишь чего захотѣлъ.
— Разрѣши אפשרу для рошенія волосъ
на казенной счетъ купить. Пусть брови выра-
стутъ. Стыдно безъ бровей.
— Купи. Только самъ отсчитывайся.
Выросли у Манухина на казенной счетъ
брови.
Только ему этого мало. Пометь опять къ
Дурновѣ:
— Хочу быть съ усами. Разрѣши на ка-
зенный счетъ битья для усывъ купить.

— Эхъ ты, Манухинъ! Тебѣ битья не по-
можетъ. А ты лучше найди себѣ усы. Пусть
другіе-проче думаютъ, что у тебя свои усы,
а у тебя—министерскіе. Ивиль Иванычъ, от-
пусти къ министру усы и бородаку поспать...
Заплатите за гороховымъ отдѣленіемъ.

Принять Манухинъ донной съ усами и съ
бородакой. А только ему этого мало.

Черезъ три дня опять къ Дурновѣ.
— Дурновъ, а Дурновъ! Хочу чтобы носъ
выросъ. Дай заграничную командировку, Изиде
доктора, говорить, такую операцию дѣлаютъ.

что носъ нел носъ можетъ вырасти. Хочу
быть съ носомъ!
— Ишь чего захотѣлъ. Ну, заграничной коман-
дировки я тебѣ не дамъ. А съ носомъ будешь.
Нил споконей донной.
Пришелъ Манухинъ домой. А на столѣ у него
уже отставка лежить.

И сталъ Манухинъ съ носомъ.
А Акиньевъ—министромъ остѣши.
Дѣтки, если у васъ нѣтъ личности и слова
Богу. Не старайтесь ее прибрѣсти.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕВУЕВА

Вот явился тройка
удалая
Кони по дорожкам ста-
ростой —
Три старика старость,
оли, оли,
Трица летовой гонимой: —

Чум, Равнин, Халма,
Аспригет — Галма
112 (Валерия)...
А прочее, дружны
ней игры'...
Преть не похитит
вред...

Въ началѣ
1905 года.

— Встанай, подымайся, рабочий народъ!

— О чемъ говорили господа и что требо-
вали?
— О чемъ говорили — я знаю. А требовали
больше Нарзанъ...

Въ началѣ
1906 года.

— Встанай, подымайся, рабочий народъ!

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

— Мы требуемъ!.. Наша платформа!..

Бюрократы работают.
Народ наблюдает.

— Ах, Государствен-
ная дума!..

Въ началѣ
1905 года.

Старый режимъ.

Народъ работаетъ.
Бюрократы наблюдаютъ.

— Ах, Государствен-
ная дума.

Въ началѣ
1906 года.

Новый режимъ.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Рядъ волшебныхъ измѣненій милого лица.

— 3 а н н о й.